

Абузар БАГИРОВ,

доктор филологических наук,
профессор Университета МГИМО МИД РФ

АВТОР РОМАНТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Издревле считается, что на формирование характера человека влияют три основополагающих фактора: генетический код; семейное воспитание;

окружающая среда. Но ещё существует и один немаловажный критерий, играющий неоценимую роль в духовном росте индивидуума: **личное са-**

моразвитие, самовоспитание, самостарение. Какими бы идеальными ни были первые три параметра, без четвертого условия ни одной личности в жизни не достичь желаемой высоты. Гармоничное сочетание в судьбе человека всех упомянутых факторов – это редкое совпадение, большое везение, божий дар, одним словом – счастье!.. Жизненный путь Народного писателя Азербайджана Энвера Мамедханлы является ярким примером такого удачного симбиоза всех перечисленных созидательных обстоятельств.

Известный азербайджанский прозаик, драматург, сценарист Энвер Гафар оглу Мамедханлы родился 28 февраля 1913 года в городе Гёкчае, в зажиточной и просвещённой семье. Начальное образование получил в родном городе, затем проучился (1926–1931) в индустриальном техникуме им. Наримана Нариманова в городе Баку. В 1931–1934 годы работал на Бакинском механическом заводе и в научно-исследовательском центре при Азербайджанском нефтяном

институте техником-электриком. Параллельно два года заочно учился в том же институте по специальности инженер-техник. Затем **два года трудился редактором и переводчиком в отделе художественной литературы издательства «Азернешр»**. В 1936–1938 годах учился в Москве на Высших курсах сценарного факультета ВГИК. По завершению учёбы вернулся в Баку и начал работать редактором в сценарном отделе киностудии «Азербайджанфильм», стал активно писать сценарии для кинематографа, а в 1941–1942 годы руководил этим отделом.

Энвер Мамедханлы был участником войны против германского фашизма. Летом 1942 года был мобилизован, служил военным корреспондентом в азербайджанской редакции органа Юго-восточного фронта - газеты «Красная Армия». Вместе с редакцией участвовал в боях за освобождение Сталинграда, находился в составе знаменитой 416-й Таганрогской стрелковой дивизии. С конца 1943-го до осени 1944 года работал редактором в Азербайджанском комитете радиовещания в Баку. **В конце 1944 года вновь был призван на Северо-Кавказский фронт, а оттуда отправлен на военную службу в Иран, где до 1946 года трудился специальным корреспондентом выходившей в Тебризе на азербайджанском языке армейской газеты «Ватан Йолунда» («За Родину»)**. После демобилизации работал главным редактором сценарной редакции киностудии «Азербайджанфильм».

Литературная деятельность Энвера Мамедханлы начиналась с **рассказа «Водоворот» (1934), посвящённого бакинским нефтяникам**. Написанный в том же году рассказ «Приключение одного человека» ярко показал, что молодой автор обладает талантом и собственным оригинальным романтическим стилем. В последующих рассказах, появившихся до Великой Отечественной войны, - «Бакинские ночи» (1935), «Афаг» (1939), «Незакатное солнце» (1940), «При свете луны» (1940) и в киносценарии «Айна» (1939) писатель более тщательно оттачивал романтический стиль с заметным добавлением сокровенного лиризма, и до конца своего творческого пути оставался ему верен.

После выхода двух прозаических сборников на родном языке («Водоворот», рассказы. Баку, «Азернешр», 1934, 119 с., и «Бакинские вечера», рассказы. «Азернешр», 1936, 214 с.) Энвер Мамед-

ханлы в 1938 году был принят в члены Союза писателей СССР.

В годы Советско-германской войны в литературном стиле Энвера Мамедханлы появились и яркие публицистические оттенки. Его сдержанная, романтическая манера повествования приобрела совершенно новое качество. По требованию времени **в рассказах автора возобладали воинственный настрой, оперативно – публицистический стиль проник в ткань большинства произведений тех лет**. «Письмо с Западного фронта», «Матери вышли на дороги», «Веление Нового года», «Светильник матери», «Огонь на Запад», «Вооружённые горы», «Кровавая печать», «Ледяная статуя», «Откуда ты, брат воин?», «Смерть матери», «Радость» и другие рассказы, написанные в военное время, отличаются истинным патриотизмом и публицистическим накалом. Герои и образы писателя и на фронте, и в тылу проявляют героизм, выполняя свой гражданский долг перед Родиной.

Находясь в Иране - Южном Азербайджане, Энвер Мамедханлы на основе собственных наблюдений жизни и быта соотечественников, создал

правдивый, талантливый цикл «Тебризские рассказы»: «Ожерелье», «Караван остановился», «На главном проспекте», «Алые бутоны», «Маленькая Наргиз» и др. Эти произведения отличаются широтой охвата жизни, художественным мастерством. **Социальные конфликты раскрываются через взаимоотношения образов, противопоставленных самой жизнью, и через события, типичные для своего времени.** В этих рассказах прозаик описал виденное ясным, лаконичным и кристально чистым азербайджанским языком, используя увлекательный, глубоко образный, сочный фольклорный слог.

Энвер Мамедханлы является также **талантливым драматургом.** Его перу принадлежат пьесы «Утро Востока» (1947), «В огне» (1951), «Ширванская красавица» (1957). Эти пьесы и на азербайджанском, и на русском языках долгие годы ставились в разных театрах Азербайджана, и спектакли всегда вызывали живой интерес у зрителей.

Маститый сценарист создал ряд значимых **сценариев, по которым снимали фильмы на киностудии «Азербайджанфильм» им. Джа-**

фара Джаббарлы: короткометражный военный биографический фильм «Бахтияр» (1942) в соавторстве с Аббасом Замановым (1911–1993) (режиссёр - заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР Агара Гулиев (1898–1975), в главной роли - народный артист Азербайджанской ССР Мохсун Санани (1900–1981)); исторический фильм «Фатали хан» (1947), совместно с Мехти Гусейном (1909–1965) (режиссёр - народный артист СССР Ефим Дзиган (1898–1981), в главных ролях - народный артист СССР Алескер Алекберов (1910–1963), народная артистка Азербайджанской ССР Лейла Бадирбейли (1920–1999), народный артист Азербайджанской ССР Али Гурбанов (1898–1962)); экранизация поэмы Мухаммеда Физули (1494–1556) «Лейли и Меджнун» - кинодрама «Сказание о любви» (1961) (режиссёр - заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР Латиф Сафаров (1920–1963), в ролях - народный артист Азербайджанской ССР Нодар Шашикоглу (1927–2013), народный артист Азербайджанской ССР Али Зейналов (1913–1988), на-

родная артистка Азербайджанской ССР Наджиба Меликова (1921–1992), народный артист СССР Адиль Искандеров (1910–1978), народный артист СССР Алескер Алекберов (1910–1963), народный артист Азербайджанской ССР Мамедрза Шейхзаманов (1915–1984) и др.); киноальманах «Кого мы больше любим» (1964), новелла «Через горный лес» (режиссёр - заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР Зейнаб Казымова (1912–1984), в главной роли - заслуженный артист Азербайджанской ССР Гамлет Гурбанов (1938–1995)); короткометражная драма «Светильник матери» (1970) (режиссёр - народный артист Азербайджанской ССР Тофик Исмаилов (1939–2016), в ролях - народная артистка Азербайджанской ССР Лейла Бадирбейли, народный артист СССР Исмаил Османлы (1902–1978) и др.); художественный исторический фильм «Бабек» (1979) («Азербайджанфильм» - «Мосфильм»; режиссёр - народный артист Азербайджанской ССР Эльдар Гулиев (1941–2021), в ролях - народный артист Азербайджанской ССР Расим Балаев (1948–2026), народный артист Азербайджанской ССР Гасан Ту-

Обложка первого издания рассказа
«Алые бутоны». 1945 г.

рабов (1938–2003), народная артистка Азербайджанской ССР Амалия Панахова (1945–2018) и др.).

За большие заслуги в области литературы и кинодраматургии в 1963 году Энвер Мамедханлы был удостоен почётного звания Заслуженного деятеля искусств Азербайджанской ССР, а в 1987 году - Народного писателя Азербайджана.

Энвер Мамедханлы немало подвизался в области **художественного перевода с русского языка**. Благодаря его адекватным, мастерским переводам азербайджанские читатели в своё время могли ближе познакомиться со значимыми прозаическими произведениями великих русских классиков А.С.Пушкина (1799–1837) – «Дубровский» и «Капитанская дочка»; Л.Н.Толстого (1828–1910) – «Хаджи-Мурат»; Максима Горького (1868–1936) – «В людях», «Детство», «Мои университеты», «Песня о Соколе» и др. Он также перевел некоторые произведения таких мировых корифеев, как английский драматург Уильям Шекспир (1564–1616), французский прозаик Гюстав Флобер (1821–1880), американский романист Теодор Драйзер (1871–1945).

Литературное наследие Энвера Мамедханлы собрано **примерно в двадцати книгах на родном и русском языках, изданных в Баку и Москве**, начиная с 1934 года, оно живо интересовало и интересует ценителей высокопробного художественного слова.

Талантливый азербайджанский писатель Энвер Гафар оглу Мамедханлы ушёл из жизни 19 декабря 1990 года и похоронен на Аллее почётного захоронения в городе Баку.

Искусный мастер романтической прозы с тонкими лирическими оттенками Энвер Мамедханлы в азербайджанской литературе советского периода отличается лаконичной разработкой художественного материала, чётким структурированием сюжетной линии, конкретностью фабулы, **бережливым и уместным использованием художественных средств, языковой чистотой, обилием фразеологизмов и фольклорных элементов**. Всё это создаёт яркую, многоцветную поэтическую мозаику прозы неповторимого и незабвенного писателя. 🌸

Литература

1. Э.Г. Мамедханлы. Избранное (рассказы и пьесы). Пер. А.Шарифа и др. Баку, «Азернешр», 1959. 356 с.
2. Очерк истории азербайджанской советской литературы. Подготовлен к печати Институтом литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР совместно с отделом советской литературы ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР. Ответственные редакторы: З.С. Кедрин, Г.Б. Бабаев. Москва, «Наука», 1963. 570 с.
3. Azərbaycan Sovet ədəbiyyatı. Ali məktəblər üçün dərslik. Redaktorları: Ə. Mirəhmədov, B. Vahabzadə, F. Hüseynov. Bakı, "Maarif", 1966. 436 s.
4. Ənvər Məmmədخانlı. Seçilmiş əsərləri. İki cildə. I, II cildlər. Bakı, "Yazıçı", 1985. 232 s.; 323 s.
5. Т. Ə. Əhmədov. XX əsr Azərbaycan yazıçıları. Ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı, «Nurlar», 2004. S. 221. 984 s.
6. А.Дж. Рустамова, Б.А. Набиев, Я.В. Гараев. Азербайджанская литература. Краткий очерк (для азербайджанской диаспоры). Баку, «Элм», 2005. 456 с.
7. Kamal Abdulla. Unutmağa kimsə var... (adda-budda xatirələr). Bakı, "Qanun", 2025. 352 s.
8. Anar. 2 = 3 + 4 yaxud iki ailədə üç xalq yazıçısı, dörd xalq şairi. Bakı, "Yazıçı", 2025. 608 s.

This article provides a brief overview of the work of Anvar Mammadkhanli, a prominent 20th-century Azerbaijani prose writer, playwright, and screenwriter, and a representative of the lyrical-romantic trend in literature.

КАРАВАН ОСТАНОВИЛСЯ (рассказ)

Из леса, оттуда, куда заходило солнце, каждый вечер слышен был чей-то голос. Казалось, пел эту песню сам лес. Печальна была эта песня. В ней слышалась грусть, и было в ней цветение весны. Шелест опавших листьев, дуновение осенних ветров и перелёты птиц слышны были в ней.

Когда люди погружались в горе, слышали они в этой песне тоску безводной пустыни, полей, сгорающих от засухи. Когда же обильной зеленью покрывались луга и колосились нивы, голос звучал надеждой и предвещал близкое счастье.

Никто не знал, чей это был голос. Но всем казался он родным и близким, потому что пел он о жизни села, о горестях и страданиях людей.

И вот молва об этом голосе разнеслась по окрестным сёлам. Многие пытались найти в лесу неизвестного певца, но никому не удалось напасть на его след.

Молодые девушки каждый вечер слушали неведомого певца. В легенды превращались их рассказы, из уст в уста передавали они то, что слышали.

Чимназ, самая красивая девушка в селе, тоже слышала этот голос. Но она не ходила в лес искать

певца. Ей казалось, что если она пойдёт в лес, то непременно найдёт его. Необъяснимое предчувствие подсказывало ей, что этот голос поёт только для неё, что её призывает он. С глубоким волнением вслушивалась девушка в песню и чего-то ожидала, но в лес не шла.

Однажды, когда солнце клонилось к закату, таинственный голос вновь зазвучал в лесу. А Чимназ в это время, обняв колени и погрузившись в раздумье, сидела на крыльце и слушала.

Внезапно на сельской улице раздался топот копыт. Чимназ, вздрогнув, обернулась. То были всадники Алияр-хана. Они возвращались с охоты. Через луку их седел были перекинuty убитые на охоте лани и горные козули. Из хурджунов и кожаных мешков высывались пёстрые хвосты фазанов, добытых соколами.

Ехавший впереди отряда Алияр-хан вдруг остановил коня. Следовавшие за ним всадники придержали своих лошадей. Чимназ вскочила на ноги, бросилась в хижину и стала через маленькое окошко разглядывать всадников.

Хан и его всадники, обратив лица к лесу, прислушивались к доносящейся оттуда песне.

С тревожным волнением глядела Чимназ на всадников, и беспокойно билось ее сердце. Вдруг

Афиша исторического фильма «Фатали хан». 1947 г.

увидела она, как хан повернулся к своим всадникам, и услышала его хриплый голос:

– Кто это поёт? Где он поёт?

Один из ханских слуг подъехал к хану и ответил, почтительно кланяясь:

– Милостивый хан, каждый вечер слышится из здешнего леса этот голос. И никто не знает, кто это поёт.

Хан провёл рукой по усам и задумался, а певец, видимо, не зная о том, кто слушает его, продолжал петь, наполняя все вокруг прозрачно-чистыми руладами.

Хан вновь повернулся к своим всадникам и сказал в раздумье:

– Приходилось мне слышать много знаменитых певцов, но такого не слышал. Это не голос, а чудо!

Почтительным кивком головы всадники подтвердили слова хана.

– Меня осенила чудесная мысль, – сказал хан, блеснув глазами. – Охота наша не завершена. Если на сегодняшнем пире я не услышу этого певца, наш праздник будет неполным.

Всадники переглянулись. Они хорошо знали нрав своего хана. Прослышав о какой-нибудь ценной, достойной внимания вещи, хан не оставался ни перед чем, лишь бы только получить её.

Один из слуг решил охладить очередное увлечение своего повелителя.

– Милостивый хан, – проговорил он, – многие из здешних жителей ходили в лес на этот голос и вернулись ни с чем.

С презрительной усмешкой на губах хан повернулся к своему слуге.

– Мы слывём мастерами охоты... И нам не пристало вести розыски понапрасну. Мы добудем его!

Всадники вновь переглянулись, в их взглядах было удивление. Хан показал рукой на лес.

– Итак, вперёд! – повелительно сказал он. – Окружите лес со всех сторон. Без добычи не показывайтесь мне на глаза.

Когда Чимназ, прижавшись к окну, услышала эти слова, холодный пот покрыл ее лоб. Она повернулась к лесу, откуда продолжал звучать таинственный голос, но в нём всё сильнее слышались скорбные нотки. Казалось, с мольбой и призывом обращался он к Чимназ, стучался в её маленькое окошечко, говорил что-то о ней и звал её за собой. И тут подумала Чимназ, что настало время действовать: надо спасти от Алияр-хана неведомого певца.

Девушка заметалась по сакле, но это продолжалось лишь одно мгновение. Схватив головной платок, она быстро побежала к лесу.

Далёкий от мира, не догадываясь ни о чём, сидел он в лесу на поваленном ветром дубе и пел так, точно сама природа велела ему петь. Обратив лицо к небу, просвечивавшему сквозь ветки деревьев, он пел, следя за орлом, плавно кружившим над лесом. Он пел о любви, которую скрывал в глубине своей груди и о которой никому не поведал. Он глядел на орлов, плавно паривших над облаками, и пел о мечтах своей юности.

Он пел. А та, от которой он скрывал свою любовь, бежала к нему, приминая лесные цветы.

Это был сын бедного дровосека. Его детство прошло в этом мрачном лесу, куда он ходил с отцом. Теперь он стал юношей, полным сил, а отец его настолько одряхлел, что больше не мог ходить с ним за дровами.

Каждое утро, когда солнце ещё не взошло, сын дровосека уходил в лес с топором и верёвкой, а вечером, когда солнце скрывалось, возвращался с вязанкой дров на спине в свою хижину на самом краю села.

Когда вечером тени в лесу сгущались, душа одинокого молодого дровосека начинали звучать песни, с которыми он обращался к возлюбленной, создавая её образ в своих мечтах.

В этот вечер он снова пел о ней.

Вдруг совсем близко услышал он чей-то голос. Ему показалось, что кто-то зовет его по имени. Точно очнувшись от глубокого сна, повернул он лицо в ту сторону, откуда слышался голос. Что это? Или его преследуют призраки? Девушка, по которой он тосковал, песнями унимая свою тоску, первая красавица села, стояла перед ним с распущенными волосами, с платком, упавшим на плечи. Она стояла, прислонившись к дереву, и тяжело дышала. Её широко открытые и устремлённые на него глаза были полны удивления, точно она не хотела верить тому, что видела. Значит, певец, которого каждый вечер слушало всё село, – сын дровосека, Валех? Значит, из груди этого худощавого смуглого юноши, одетого в лохмотья, вылетал тот самый тоскующий голос, звавший Чимназ, будивший в её душе страстные мечты?

Расширенными от изумления глазами смотрела теперь Чимназ на сына дровосека, смотрела и вспоминала о том, как редко встречала она его в селе, – и при каждой случайной встрече он проходил мимо молча, с опущенной головой. Ни словом, ни внешним видом, ни поведением не

Полюбившийся детям рассказ «Алые бутоны» неоднократно переиздавался. Обложка издания 1952 года

привлекал он к себе внимания сельских девушек, и никакого следа не оставил он в памяти Чимназ. Теперь девушка в немом молчании глядела на него, и ей казалось, что перед ней рождается новый образ. Боже, как изменилось его лицо!словно бы спетые песни провели какие-то светлые линии по его лицу, огонь любви, затаённый в глубине сердца, зажёл свет в его глазах, вобравших в себя таинственную лесную тень.

Эти глаза были прикованы к Чимназ, и она чутким сердцем понимала, что только человек, охваченный любовью, может быть обладателем таких глаз.

Прошло несколько минут. Наконец Чимназ оторвалась от дерева и, подойдя близко, промолвила голосом, полным нежной ласки:

– Почему ты всегда поёшь здесь, в лесу, вдали от всех? Почему никто до сих пор не знает, что это ты?

Сын дровосека поднялся на ноги и сделал шаг к девушке. Долгожданный час пробил. Он не смог больше скрывать то, что таил на сердце.

– Что же я должен был делать? – проговорил он, опуская голову. – Иначе я не мог поступить. Дни мои проходили в лесу. Неделями, месяцами я не

видел тебя. Я пел, чтобы видеть тебя. И когда пел, всегда видел тебя идущей по лесной тропинке...

При этих словах сердце девушки, бившееся в тревоге, наполнилось сладостным волнением. Это стыдливое признание в любви точно тёплой волной обдало её, и она тоже опустила глаза. И казалось, что этим движением она призналась в своей любви.

И в этот миг какой-то шорох, треск веток, шелест листьев под ногами послышался вблизи и точно пробудил Чимназ ото сна. В страхе оглянувшись назад, она бросилась в объятия юноши.

– Бежим, Валех! – взволнованно прошептала она. – Это люди Алияр-хана. Они хотят схватить тебя и увести. Я бежала, чтобы предупредить тебя, а тут позабыла обо всём. Бежим же скорей!

Схватив Валеху за руку, Чимназ быстро повела его в чащу леса. Но через минуту из груди её вырвался стон: всадники хана вышли из-за деревьев и встали на их пути.

Солнце уже скрылось за лесом, наезженные дороги потонули в вечерних тенях. Всадники Алияр-хана выезжали из деревни, возвращаясь в поместье хана.

Охота была окончена. Платье юного дровосека висело на нём клочьями, лицо его было в кровавых пятнах, а руки связаны за спиной. Он шёл теперь перед всадниками хана. Чимназ, как самая ценная добыча, была перекинута через седло хана, и рот её был крепко завязан.

Богатое пиршество устроено было ночью в доме хана. Гости, плотно поужинав, возлежали на шёлковых подушках. Музыканты занимали отведённые им места. Глаза всех обращены были на хана. Он провёл рукой по усам и оглядел гостей.

– Господа! – сказал он, весело улыбаясь. – Всем вам хорошо известно, что я никогда не возвращался с охоты с пустыми руками. Но сегодняшняя моя охота увенчалась особенной удачей. Я поймал в лесу и привёз с собой такого певца, голос которого способен развлечь любое общество. Что же мне сказать о красоте лани, которую мы схватили вместе с сыном дровосека?

Сказав это, хан ударил в ладоши и приказал вошедшим слугам ввести сына дровосека. Те из гостей, которым довелось уже слышать знаменитых певцов, незаметно переглядывались, тщательно скрывая недоверие и насмешку.

И вот слуги ввели сына дровосека. По приказанию хана его облачили в шёлковый архалук и надели серебряный пояс. На голове его была чёрная папаху из бухарского каракуля.

Словно не замечая никого, равнодушно оставался он у входа, никому не поклонился и никого не приветствовал. Брови хана слегка сдвинулись, но он ничего не сказал, только кивком головы указал сыну дровосека его место – у дверей. Юноша опустился на ковёр. Тогда хан обратился к нему со следующими словами:

– Солнце озарило твою судьбу, простолюдин. Ты больше не будешь собирать дрова в лесу. Ты будешь петь на моих пиршествах. Ты осмелился в лесу поднять руку на моих людей, но я прощаю тебя...

Затем хан подал знак таристу. Длинные волосы тариста, закрывавшие его уши, были обильно умащены. Он поднял свою тару и начал старинный напев «раст». Алияр-хан, приложив к губам перламутровый мундштук кальяна, облокотился на подушки.

Тарист сыграл вступление и дошёл до того места, где должен был начать певец. Но без движения, с опущенной на грудь головой сидел сын дровосека и не глядел ни на кого. Он молчал. Та-

Афиша исторического фильма «Бабек». 1979 г.

Кадр из фильма «Бабек». Фильм пользовался огромной популярностью в СССР и был закуплен для проката рядом зарубежных стран

рист несколько раз нетерпеливо поворачивался к певцу, а тот всё молчал. Наконец тарист в недоумении взглянул на хана и снова начал вступление. Хан нахмурился и, тихо кашлянув, сказал:

– Сын дровосека, мы ждём.

Но сын дровосека не ответил и не пошевелился.

С разных сторон раздался ропот:

– Хан с тобой говорит! Начинай же!

Сын дровосека медленно поднял голову, оглядел всех, кто сидел в зале, остановил взор на лице хана с его заплывшими жиром маленькими глазками и толстыми губами и закрыл глаза. И в то же мгновение ожил перед ним иной мир: лес и сваленный вихрем дуб, небо, синееющее сквозь ветки, и черные орлы, плывущие под белыми облаками... и душа его рванулась вслед за орлом, и возникла в душе страстная песня...

Он открыл глаза – и не запел.

Тарист задержал косточку на струне. Хан стал терять самообладание.

– Эй, простолюдин! – угрожающе прохрипел он. – Что это? Почему не начинаешь? Все ждут...

Сын дровосека опять поднял голову и, не мигая, взглянул в глаза хану.

– Напрасно ждут, хан, – проговорил он спокойно. – Я петь не буду.

Хану показалось, что его обдали ледяной водой. По лицам гостей скользнули насмешливые

улыбки. Одни из них с гневом и негодованием оглядывали сына дровосека, а другие точно завидовали смелости этого бедного юноши, который не склонился перед надменным ханом, упрямо осуществляющим любой свой каприз.

От Алияр-хана не ускользнули улыбки гостей, и, более не в силах владеть собой, он в бешенстве крикнул:

– Что за дерзость?! Что за ответ?! Я приказываю тебе – пой!

– Я пою лишь тогда, хан, когда приказывает мне моё сердце, – спокойно ответил юноша. – Здесь никто не услышит моего голоса.

Алияр-хан, точно ужаленный, вскочил на ноги и схватился за рукоятку кинжала, но вдруг, опомнившись, переменял своё намерение и прошипел сквозь зубы:

– Нет, сын дровосека. Алияр-хан услышит твой голос... И не один раз... И все присутствующие здесь услышат твой голос... Если под струны тара не хотел ты запеть, так под свист нагаек ты запоешь иную песню.

И хан несколько раз хлопнул в ладоши. В тот же миг слуги вбежали в зал. По знаку хана схватили юношу и поволокли на террасу.

И через минуту стало слышно, как свистят нагайки, впиваясь в обнажённое тело. Все, кто сидел в зале, ожидали стонов и мольбы, но с террасы доносился лишь страшный свист нагаек, прорезавших воздух.

Алияр-хан сердито ходил по комнате. Всё сильнее свистели нагайки, но юноша не издавал ни звука. Многие гости уже начинали чувствовать себя неловко и сидели с опущенными головами.

Тогда Алияр-хан кликнул слугу. Тот вошёл, весь в поту.

– Ну, как? – повернулся к нему хан. – Смягчил-ся? Молит о пощаде?

– Нет, хан! – промолвил слуга, покачав головой. – Молчит. Лежит без движения, словно камень. И не поймёшь, умер или дышит ещё.

В бессильной ярости Алияр-хан кусал усы.

– В темницу! – взревел он. – Ни куска хлеба, ни капли воды!..

Он пришёл в себя лишь на рассвете, когда голосисто пели петухи. Он лежал навзничь на сырой земле темницы. С усилием приподнявшись, он сел и взглянул вверх. Там в небольшую щель мигала ему с предутреннего неба одинокая звезда. Рубаха его прилипла к исполосованной нагайками, окровавленной спине.

Опираясь на стену, он поднялся на ноги и пошёл к двери. Вдруг она медленно открылась

перед ним, и в темницу вошёл старик с седой бородой. Осторожно подойдя к юноше, он положил руку ему на плечо и сказал со вздохом:

– Иди за мной, мой сын! Не бойся меня. Я старый садовник хана, и много я слышал о тебе. Когда вечером ханские слуги раздели тебя в шёлковые наряды и повели к хану, я сказал себе: «Немало было соловьёв, заключённых в клетку, привели им ещё нового товарища». Но когда под нагайкой ты не проронил ни звука, я понял, что ты не из тех соловьёв, которые поют в клетке. Следуй за мной, сын мой! Пока не проснулись слуги, выйди отсюда и скройся.

Сын дровосека схватил руку садовника и крепко потряс её, но вдруг остановился, вспомнив Чимназ.

– А как же Чимназ? – прошептал он.

Садовник с минуту молчал. Потом сказал задумчиво:

– С вечера бросили к её ногам сундук с драгоценностями и золотом... Не знаю, сын мой. Она девушка. Если не соблазнится, если захочет бежать, я помогу и ей. А пока спасай свою голову.

Мрачная тень пробежала по лицу юноши. Опустив голову на грудь, побрёл он за садовником во двор, а оттуда через ханский цветник ушёл на волю.

Когда сын дровосека дошёл до своей деревни, уже рассвело. Он стоял перед отцом, который всю ночь не спал, в беспокойстве ожидая сына. Он рассказал отцу обо всём, что с ним приключилось за ночь, и они оба в тяжёлом молчании поникли головами.

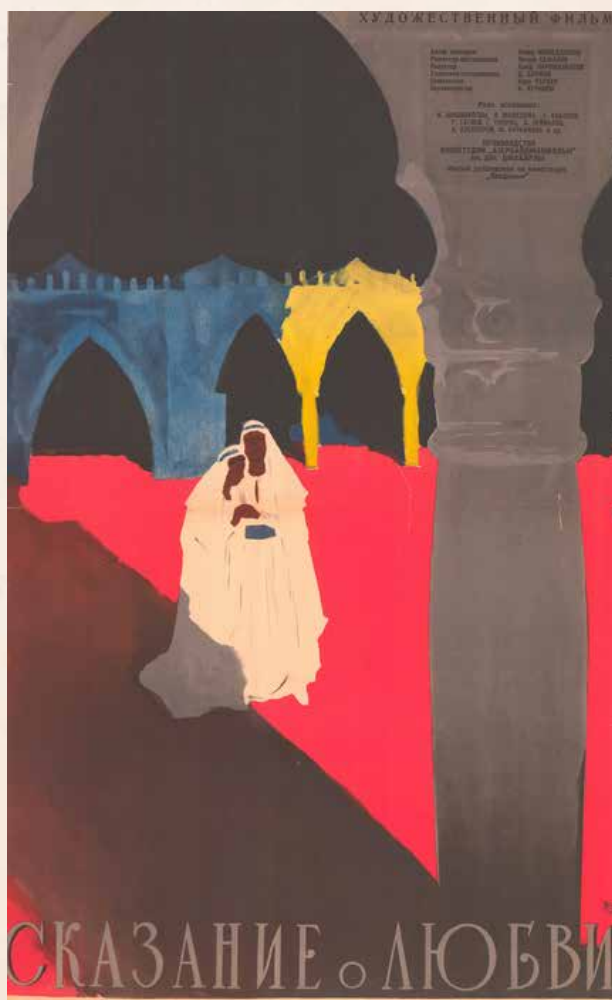
– Я уже одной ногой стою в могиле, сынок, – прервал, наконец, молчание старый дровосек. – Ты обо мне не думай! Но куда ты пойдёшь теперь? Что ты будешь делать на чужбине?

– Я буду петь, отец! – отвечал юноша. – Грудь моя переполнена песнями, они жгут мне сердце. Я пел одиноко в лесу, и меня схватили, как добычу. А теперь я пойду петь по нашим сёлам и деревням. Там найду я слушателей и друзей.

Так для юноши, сына дровосека, началась жизнь странника. Теперь он стал бездомным бродячим певцом. За короткое время слава о нём прошла по всем городам и сёлам. Повсюду, где его узнавали, встречали как дорогого гостя. Иные неделями ходили за ним, чтобы слушать его пение.

Он по-прежнему был верен себе, никому не продавал своих свободных песен, отказывался от золота, которое охотно предлагали ему за один

Афиша кинофильма «Сказание о любви». 1961 г.

вечер пения в богатых домах и на знатных пирах. Но в первой хижине бедняка, куда забредал случайно, готов он был петь до глубокой ночи, а утром с благодарностью принимал в вознаграждение за свои песни мешок ячменя и, взвалив его на спину, продолжал свой путь.

Песни, которые он слагал, теперь распевали повсюду. Слыша свои песни из уст других на площадях, рынках, в чайхане, он понимал, что будет жить в народе даже тогда, когда смерть унесёт его, что его песни никогда не умрут и крылатыми птицами понесутся в будущее, и в дни бедствий будут с народом делить его горе, и звучать радостью в дни его торжеств.

Однажды вечером, засыпая в хижине какого-то крестьянина, он почувствовал в своей груди зарождение новой песни и не мог уснуть до зари. Положив руки под голову, тихо, одними губами, напевал он эту песню, которая то обрывалась, испуганно убегая от него, то вновь возникала в душе. И забытая мечта о Чимназ вдруг всплыла в

этой песне, и вновь проснулась уснувшая было любовь.

С зарёй поднялся он и решительно зашагал к родному селу. К вечеру он был уже в том лесу, на опушке которого раскинулось его село. Прохладный ветер дул с гор, навевая ему воспоминания о днях первой юности, и он весь отдался этим воспоминаниям. Они уводили его куда-то, и, не будучи в силах им сопротивляться, он вошёл в лес. Тяжело шагал он по знакомым тропинкам, добрёл до знакомого дуба, сваленного бурей, и присел на ствол, чтобы передохнуть. Вновь грудь его наполнилась песнями о любви, оставшейся без ответа.

И его голос, который несколько лет не был слышен в этом лесу, вновь прозвучав, взволновал и взбудоражил всё село.

Распахнулись двери и окна хижин. Все от мала до велика высыпали на улицу, и каждый с трепещущим от волнения сердцем прислушивался к родному голосу, который так внезапно замолк и так же внезапно вновь зазвучал.

И старый дровосек тоже вышел из своей хижины. Он был уже глух и не мог услышать сына, по которому тосковал все эти годы. Но песня сына всё же пришла к нему, отражённая в глазах людей.

И Чимназ, которая на террасе ханского дворца пила с Алияр-ханом чай, услышала голос, звучавший в лесу. Хан переглянулся с Чимназ. Они узнали этот голос.

Теперь не всадники Алияр-хана, а слуги Чимназ отправились в лес. Они нашли в лесу сына дровосека и, почтительно склонившись перед ним, сообщили, что его приглашает к себе Чимназ.

Юноша обрадовался. Чимназ была жива... Чимназ звала его...

На этот раз он сам пошёл к Алияр-хану. Там отвели ему отдельную комнату.

Алияр-хан разослал слуг по всей округе звать на вечерний пир всех ханов и беков. Тщеславный и спесивый хан до сих пор не мог забыть о том, как он осрамился перед своими друзьями, и на сегодняшнем пире собирался показать им свое торжество, тем более полное, что у него будет петь не безвестный сын дровосека, а прославленный певец, которого тщетно зазывали на свои пиры другие ханы и беки.

Валех нетерпеливо ожидал, когда позовёт его к себе Чимназ. Настал вечер. Зажглись огни. Двор оглашался ржанием лошадей прибывших на пир гостей.

Наконец сын дровосека был приглашён. Он сказал о своём желании видеть Чимназ. Ему ответили,

Кадр из телеспектакля «Утро Востока». 1982 г. Пьеса была написана в 1947 году, но более 40 лет не сходила с театральных подмостков

что Чимназ находится в соседней гостиной и ждёт его там; проходя через эту комнату, он увидит ее.

Перед ним открывались одна за другой двери пышно убранных комнат. В одной из них он увидел Чимназ, окружённую прислужницами.

Растерянный, широко открыв от удивления глаза, остановился сын дровосека. Неужели это Чимназ? Она, как павлин сверкала красками, на ней горели и искрились драгоценные камни; словно гроздья винограда, висели на шее и груди золотые украшения и жемчужные ожерелья. Она пополнила, и у неё появился второй подбородок.

Нет, это не Чимназ! Это не та девушка, которую он воспевал и звал в своих песнях. Та Чимназ, что по лесным тропам и коврам из полевых цветов неслась к нему, была молода, проста и прекрасна. Сейчас перед ним стояла какая-то другая, чужая женщина. Это была жена хана.

Сын дровосека отвернулся, чтобы уйти, но Чимназ заговорила:

– Мы повсюду справлялись о тебе, мы ждали, что ты появишься и в наших краях. Хан давно предал забвению то, что случилось. Сегодня он созвал в честь тебя именитых гостей и устроил пир.

И хан, и я приготовили тебе дорогие подарки. Я буду сидеть в этой комнате, и слушать тебя.

Юноша не хотел верить своим ушам: Чимназ ли говорит всё это? Ему хотелось закрыть глаза, заткнуть уши и без оглядки бежать отсюда.

Но в этот миг открылась боковая дверь, и в ней появился сам хан; он любезно взял юношу за руку и повёл в гостиную. Его усадили на почётное место. Присутствующих обносили шербетом. Рассеянно озираясь вокруг, юноша принял чашу с шербетом, поднёс к губам и, не отпив, поставил. И снова тот же тарист по знаку хана заиграл старинный напев «раст». Все замолчали и в нетерпеливом ожидании устремили глаза на сына дровосека. Но тот сидел молча, с головой, опущенной и грудь.

– Сын дровосека, – глухо кашлянув, обратился к нему хан. – Неплохо нам будет послушать тебя перед тем, как подадут плов...

Сын дровосека медленно поднял голову, задумчивым взглядом обвёл ряды гостей и закрыл глаза. И тут въявь представились ему бедные хижины крестьян, шумные городские площади и толпы людей, тесным кольцом его окружающие.

И он вспомнил, как при звуках его песни прояснялись подёрнутые горем глаза этих голодных, одетых в отрепья, измождённых трудом людей, как в этих глазах зарождались и сверкали искры радости и счастья.

Он открыл глаза – и не запел.

Тогда его стали просить наперебой все собравшиеся. Ханы и беки запускали руки в карманы широких шаровар и высыпали перед певцом пригоршни золота. Но он молчал.

Наконец хан снял с себя золотой пояс и бросил перед ним.

– Спой, – сказал он. – Спой хоть одну песню – и мой лучший конь будет твоим.

Сын дровосека молча покачал головой и поднялся на ноги.

Кровь бросилась в голову хана. Он хлопнул в ладоши и позвал слуг, но вдруг опомнился: теперь не сын дровосека, простой и никому неведомый, стоял перед ним, а певец, которого знал весь народ и который имел тысячи преданных поклонников. И всё же хан не в силах был подавить свой гнев. Налитыми кровью глазами смотрел он на стоявшего перед ним нищего, но гордого певца.

– Отведите его! – проговорил хан хрипло. – Наложите цепи на его руки и ноги. Пока не согласится петь, будет он лишён света дневного.

И снова заточили сына дровосека в темницу, но на этот раз заковали его в железо и повесили на дверь тяжёлый замок. Четыре дня и четыре ночи без пищи и воды просидел в темнице сын дровосека. Но не сдался.

Когда настала пятая ночь, хана разбудили отчаянные крики. Весь дворец был в смятении. Одна из пристроек была охвачена огнём. Хан бросился вниз и крикнул, увидя старого садовника:

– Что это, старик? Кто поджёт?

– Это предупреждение, хан, – спокойно ответил старый садовник, указав на пламя пожара. – Остерегайся народного гнева. Освободи сына дровосека. Как бы хуже не было.

Хан в гнев кусал кончики усов. Но иного выхода не было, и движением руки он велел отпустить узника.

Сына дровосека освободили. Едва передвигая ослабевшие ноги, он вышел из дворца.

Но шёл недолго: ослабев от голода, присел на пригорок возле дороги. И долго сидел он там, в одиночестве, скрытый мраком ночи. Часто прорезали небо падающие звёзды, прохладный ветер порою веял с гор. Вдруг до слуха юноши донёсся отдалённый звон. Он прислушался: то был звон

бубенцов. По дороге медленно двигался караван верблюдов. Юноша ждал с нетерпением. И вскоре, растянувшись вдоль дороги, мимо него стал проходить длинный караван.

Сердце его забило радостью, и юноша, поднявшись на ноги, крикнул вожатому каравана:

– Остановись, сарбан! Путь мой долог! Возьми меня с собой!

Но вожатый не услышал его или, быть может, не обратил внимания на одинокий голос, прозвучавший в ночи. Караван продолжал двигаться. Медленно раскачиваясь, проходили мимо юноши равнодушные верблюды. Вот прошёл последний верблюд, и сын дровосека вновь остался один в темноте.

И тут снова разомкнул он уста, но не для того, чтобы воззвать к сарбану. Он запел песню, и такой силы звук вырвался из его груди, что, казалось, звёзды содрогнулись в небе.

Эту песню сложил он, когда сидел, закованный в цепи, в ханской темнице. И, прорезав тьму, эта песня бурей понеслась по всей необъятной шири земли.

Звуки бубенцов смешались, гармония их нарушилась, и точно издавая слабый стон, они постепенно смолкли. Караван остановился посреди дороги, и через минуту все вокруг погрузилось в тишину и молчание. Лишь пламенная песня юноши звенела в тишине, и, казалось, пел её не этот одиноко сидевший у дороги человек, – казалось, пела её сама величественная ночь и бесконечное звёздное небо.

Караван, будто остановленный чьей-то могучей рукой, всё стоял без движения и слушал.

А когда песня смолкла, из темноты раздался голос сарбана.

– Эй, сын дровосека! – кричал он взволнованно. – Я узнал тебя! Иди к нам, садись на верблюда, не задерживай караван. Иди же!

Сын дровосека сошёл на дорогу. Сарбан поставил на колени лучшего верблюда и помог юноше взобраться на его спину. Великан-верблюд с рёвом поднялся на ноги, и тогда сын дровосека сказал сарбану:

– В добрый путь, сарбан! Веди караван, но в первом же селе, на первой кочёвке спусти меня на землю... Теперь я буду петь по городам и сёлам новые песни, песни вечной борьбы со злом. Ими полна душа!..

Тебриз, 1944 г.
Перевод Азиза Шарифа